

В доме старосты никого не оказалось — видать, все ушли в поле на жатву.

Молодой человек проводил Дунхэ Си и его спутников в главную комнату, предложив присесть на длинные скамьи у входа. После он, явно смущаясь, принёс несколько чашек со сладкой водой.

— Вы присядьте, обождите малость, а я мигом за отцом сбегаю.

Не успели гости поблагодарить его, как он уже скрылся за порогом. Мо Шу негромко хмыкнул, сочтя поведение этого человека довольно забавным.

Лэй Шулан тем временем не поленился и занёс в дом снопы риса, оставленные юношей у ворот. До того как попасть в поместье Дунхэ, он и сам жил в деревне, а потому отлично знал цену каждому зёрнышку. И хотя в пору жатвы все запирали кур и уток, чтобы те не портили урожай, в любом селении всегда находились любители поживиться за чужой счёт.

Дунхэ Си сделал несколько глотков. Вода была едва сладкой и совсем холодной — должно быть, её приготовили заранее, чтобы домочадцы могли утолить жажду после тяжёлой работы.

Долго ждать не пришлось. Вскоре послышались торопливые шаги, и в комнату вошёл крепкий мужчина средних лет с кожей цвета жжёной земли — лицо его почернело от долгого труда под палящим солнцем. При виде визитёров он приветливо махнул рукой:

— Сидите, сидите, не надобно вставать.

Но Си всё же поднялся, приветствуя его, в то время как Лэй Шулан и остальные остались стоять за спиной своего молодого господина. Мужчина примостился на край свободной скамьи, внимательно разглядывая гостя.

— Значит, ты и есть внук второго дяди Миня?

Взгляд его невольно задержался на утончённых чертах лица юноши, его белой, не знавшей тяжёлого труда коже и ярко-алой родинке-киновари между бровей. Одет Си был богато, хотя из украшений на нём была лишь простая заколка из белого нефрита, удерживающая волосы. Несмотря на скромность убранства, в каждом его движении сквозило благородство — в этом юноше не было ни капли деревенской простоты.

Си знал, что его дед, Дунхэ Минь, был вторым сыном в семье, а потому с улыбкой кивнул:

— Да, почтенный. Меня зовут Дунхэ Си, но можете звать меня просто Си-гэ'эр.

Мужчина широко улыбнулся в ответ:

— Вот и славно. Деревенская молодёжь кличет меня дядюшкой Тао, так что и ты не стесняйся, зови так же.

Закончив с приветствиями, Дунхэ Тао сразу перешёл к делу:

— Письмо от твоего деда мы получили ещё месяц назад. О том, что в нём сказано, мой отец предупредил арендаторов сразу — ещё до начала жатвы. Как только соберём урожай, сможешь забрать свои земли. Захочешь ли ты сам их возделывать или снова сдашь внаём — дело твоё. За эти годы арендную плату вносили по-разному: кто серебром, кто зерном. Зерно мы всякий раз продавали, а деньги откладывали. Я сейчас принесу книжицу со счетами, сам всё увидишь. За этот год расчёт ещё не окончен, жатва затянется ещё на несколько дней. Как закончим, заглянешь к нам — решишь, продавать ли свою долю или оставить себе на пропитание.

Мужчина говорил неспешно и рассудительно. Закончив объяснения, он ненадолго отлучился вглубь дома и вернулся с пожелтевшей тетрадицей в руках.

— Вот счета, посмотри, — он положил на скамью книгу и небольшой полотняный свёрток. — А здесь — деньги за прошлые годы.

Си передал и записи, и свёрток тётушке Фан. Не то чтобы он не доверял семье старосты, но он лучше разбирался в нынешних ценах на зерно, а о том, сколько стоила аренда в прошлые годы, не имел ни малейшего представления. Тётушка Фан же много лет служила папе прежнего Дунхэ Си, под началом которого были и лавки, и загородные усадьбы. Она, как никто другой, знала толк в земельных делах и ценах.

К тому же юноша считал, что в денежных вопросах ясность превыше всего: даже между близкими братьями счета должны быть прозрачными. Одно дело — плата за землю, и совсем другое — его личная благодарность семье старосты за их труды. И уж совсем иное, если бы в расчётах обнаружилась недостача: тогда бы честный рассказ о том, куда делись деньги, расставил бы всё по местам.

В комнате воцарилась тишина. Заметив, что Си доверил проверку женщине, хозяин дома слегка удивился, но промолчал. Лишь на мгновение он нахмурился, словно собираясь с духом.

— Тут такое дело... — начал дядюшка Тао, глядя на Си. — Одна из семей, что арендуют ваши поля, в последние годы совсем в нужду впала. Раньше-то они платили исправно, до последнего медяка, да только несчастья их подкосили.

Тот тяжело вздохнул:

— У них в аренде две му заливных полей да одна му средних земель. Лет пять назад их старший

сын пошёл в горы на охоту, да на кабана нарвался. Жизнь-то спасли, а вот руку правую он потерял — почитай, по самый локоть отхватило. — Тао показал на своей руке. — А в позапрошлом году младший сын вместе с отцом в город на заработки подались, да ввязались в драку. Кое-какие деньги им выплатили, да толку-то? Оба теперь хворые, с постели едва встают, всё на лекарства уходит. Род наш, конечно, из общинных земель им помогал, да и старейшины рассудили, что дозволено им платить на одну десятую меньше обычного.

Дунхэ Тао замялся, чувствуя себя неловко — выходило, будто община распорядилась чужим добром без спроса. Но утаить это было нельзя. Помогать одной семье бесконечно род не мог — другие жители деревни начали бы роптать. Однако видя, в какой беспросветной беде оказались эти люди, четверо старейшин сообща решили снизить им плату.

Боясь, что юноша истолкует это превратно, он поспешно добавил:

— Твой дед, когда уезжал, наказывал общине: ежели кто из арендаторов в беду попадёт, брать с них сколько смогут, лишь бы земля не пустовала. А этим бедолагам и впрямь солоно пришлось.

Как только мужчина замолчал, тётушка Фан закончила проверку. Она бросила короткий взгляд на Дунхэ Си и едва заметно кивнула — всё было верно.

Молодой господин мягко улыбнулся:

— Дядюшка Тао, я всё понимаю. Перед отъездом дедушка упоминал мне об этом.

Он не лгал. Старик Дунхэ Минь перед дорогой долго наставлял внука, рассказывая о людях и нравах родной деревни, чтобы тот не позволил себя обмануть. Старый господин знал, что Си теперь обладал недюжинной силой и мог за себя постоять, но Дунхэ была общиной одного клана: люди там жили бедно, но стояли друг за друга горой. Юноша хоть и принадлежал к тому же роду, вырос на чужбине, а значит, всегда оставался бы для них чужаком.

Услышав слова Си, дядюшка Тао заметно расслабился — гора с плеч свалилась. Больше всего он боялся, что их заподозрят в корысти.

Когда с делами было покончено, Дунхэ Си поднялся:

— Не смею больше отвлекать вас от забот. Подскажите только, не найдётся ли у вас лишнего инструмента? Нам бы старую усадьбу осмотреть, да тропы там совсем заросли — нужно бурьян расчистить.

— Как не найтись, — отозвался хозяин дома. — В старый дом, значит, нацелились?

Он зашёл в чулан и вынес топор и тяжёлый тесак для хвороста.

— Серпы сейчас все в поле, так что только это и могу дать.

Лэй Шулан принял инструменты.

— Премного благодарны. Как закончим — сразу вернём, — пообещал Си.

Видя, что в деревне самый разгар страды, они поспешили откланяться, чтобы не злоупотреблять гостеприимством.

— Пользуйтесь на здоровье, — напутствовал их Дунхэ Тао.

***

Выйдя от старосты, Си и его спутники направились напрямиком к старой усадьбе. Увидев их, Мо Янь и Мо Ци мигом спрыгнули с кареты.

— Маленький господин!

— Вот, раздобыли инструмент. Сперва нужно расчистить тропу, чтобы пройти можно было, — Дунхэ Си встал поодаль, наблюдая, как Лэй Шулан и Мо Янь принимаются за работу, и задумчиво оглядывал окрестности.

Родовое поместье семьи Дунхэ стояло у самого въезда в деревню. От соседней Лишуй его отделял лишь межевой столб, а до жилых домов Дунхэ было порядочное расстояние. Чтобы увидеть поселение, нужно было стоять здесь, на дороге; из самой же усадьбы вид закрывала сначала бамбуковая роща, а затем — густой перелесок.

Дед рассказывал ему, почему купил землю именно здесь, и Си находил это место весьма удачным. Простор, тишина, и не нужно постоянно быть на виду у всех соседей, хотя добраться до них можно было в два счёта.

Его взгляд остановился на перелеске. На самом деле это был скорее лесистый холм, краем подступавший к самой дороге. Затем Си посмотрел на реку Дунхэ — неширокую, метров семь-восемь, — и в глазах его отразилась глубокая задумчивость.

Мо Шу, тоже с любопытством озираясь, спросил:

— Маленький господин, а где мы в итоге поселимся? В городе или здесь, в деревне?

Денег у них хватало, они могли бы позволить себе дом и в областном центре, но Мо Шу не знал, всерьёз ли его господин намерен обосноваться в этой глуши. Впрочем, где бы Си ни решил

остаться, он последовал бы за ним без тени сомнения.

Дунхэ Си с улыбкой обернулся к нему:

— А тебе самому где больше по душе?

Собеседник подсластил голос:

— Где мой господин, там и мой дом.

— Ишь, как заговорил, — усмехнулся Си.

Хитро улыбаясь, Мо Шу протянул ему бамбуковую чашку с прохладным травяным чаем. Тётушка Фан, наблюдавшая за ними, не стала допытывать юношу расспросами. За время пути она поняла, что у их молодого господина, несмотря на потерю памяти и пережитые невзгоды, есть свой чёткий план. И как верно заметил Мо Шу — куда бы Си ни направил свои стопы, они последуют за ним.

Дунхэ Си обратился к Мо Ци и тётушке Фан:

— А вам как это место? Нравится?

<http://bllate.org/book/15311/1354355>